

KRIMINOLOGIYA VA JINOIY ODIL SUDLOV

ILMIY-AMALIY JURNAL

2026-yil 1-son

VOLUME 6 / ISSUE 1 / 2026
ISSUE DOI: [HTTPS://DX.DOI.ORG/10.51788/TSUL.CCJ.6.1](https://dx.doi.org/10.51788/TSUL.CCJ.6.1)

ISSN 2181-2179
DOI: [HTTPS://DX.DOI.ORG/10.51788/TSUL.CCJ](https://dx.doi.org/10.51788/TSUL.CCJ)

MUNDARIJA

12.00.09 – JINOYAT PROTSESSI. KRIMINALISTIKA, TEZKOR-QIDIRUV HUQUQ VA SUD EKSPERTIZASI

Sultonova Lobar Mamarayim qizi

EKSTRADITSIYANI JINOYAT-PROTSESSUAL TARTIBGA SOLISHDA
XALQARO KELISHUVLARNING ROLI 8

12.00.10 – XALQARO HUQUQ

Gafurova Shoira Baxodirovna

XALQARO JINOYAT HUQUQIDA DALILLARNING MAQBULLIK VA
ISHONCHLILIK MEZONLARI21

12.00.12 – KORRUPSIYA MUAMMOLARI

Nuridinov Ramzidin Lutfidin o'g'li

DAVLAT XARIDLARINI RAQAMLASHTIRISH KORRUPSION XAVFLARNI
KAMAYTIRISH VOSITASI SIFATIDA33

12.00.13 – INSON HUQUQLARI

Tillaboyev Shohruxbek Mirzatillo o'g'li

XALQARO HUQUQDA RAQAMLI INSON HUQUQLARI: HUQUQLARNING
YANGI AVLODI SHAKLLANISHI42

12.00.14 – HUQUQBUZARLIKLAR PROFILAKTIKASI. JAMOAT XAVFSIZLIGINI TA'MINLASH. PROBATSIYA FAOLIYATI

Islombekov Bexzodbek Islombekovich

METROPOLITEN OBYEKTLARIDA QOLDIRILGAN NARSA VA ASHYOLARNING
JAMOAT XAVFSIZLIGIGA TAHDIDI60

Normatova Shirin Abdulnabiyevna

TAZYIQ VA ZO'RAVONLIKDAN JABRLANGAN XOTIN-QIZLARNI
REABILITATSIYA QILISH TARTIBINING NAZARIY JIHATLARI68

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.09 – УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ПРАВО И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Султонова Лобар Мамарайим кизи

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ СОГЛАШЕНИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ
РЕГУЛИРОВАНИИ ЭКСТРАДИЦИИ 8

12.00.10 – МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Гафурова Шоира Баходировна

КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ21

12.00.12 – ПРОБЛЕМЫ КОРРУПЦИИ

Нуридинов Рамзидин Лутфидин угли

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК КАК ИНСТРУМЕНТ
СНИЖЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ33

12.00.13 – ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Тиллабоев Шохрухбек Мирзатилло угли

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ:
СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ ПРАВ42

12.00.14 – ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. ПРОБАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ислombeков Бехзодбек Ислombeкович

УГРОЗА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, СВЯЗАННАЯ С ОСТАВЛЕННЫМИ
ВЕЩАМИ И ПРЕДМЕТАМИ НА ОБЪЕКТАХ МЕТРОПОЛИТЕНА60

Норматова Ширин Абдулнабиевна

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОРЯДКА РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕНЩИН,
ПОСТРАДАВШИХ ОТ ПРИТЕСНЕНИЯ И НАСИЛИЯ68

CONTENTS

12.00.09 – CRIMINAL PROCEEDINGS. FORENSICS, INVESTIGATIVE LAW AND FORENSIC EXPERTISE

Sultonova Lobar Mamarayim kizi

THE ROLE OF INTERNATIONAL AGREEMENTS IN THE CRIMINAL
PROCEDURAL REGULATION OF EXTRADITION 8

12.00.10 – INTERNATIONAL LAW

Gafurova Shoira Bakhodirovna

CRITERIA FOR ADMISSIBILITY AND RELIABILITY OF EVIDENCE
IN INTERNATIONAL CRIMINAL LAW21

12.00.12 – CORRUPTION PROBLEM

Nuridinov Ramzidin Lutfidin ugli

DIGITALIZATION OF PUBLIC PROCUREMENTS AS A TOOL FOR REDUCING
CORRUPTION RISKS33

12.00.13 – HUMAN RIGHTS

Tillaboev Shohrukhbek Mirzatillo ugli

DIGITAL HUMAN RIGHTS IN INTERNATIONAL LAW:
THE FORMATION OF A NEW GENERATION OF RIGHTS42

12.00.14 – CRIME PREVENTION. ENSURING PUBLIC SAFETY. PROBATION ACTIVITY

Islombekov Bekhzodbek Islombekovich

THE THREAT OF ABANDONED ITEMS AND OBJECTS
TO PUBLIC SAFETY IN METROPOLITAN FACILITIES60

Normatova Shirin Abdulnabiyevna

THEORETICAL ASPECTS OF THE REHABILITATION PROCEDURE FOR
WOMEN VICTIMS OF HARASSMENT AND VIOLENCE68

Kelib tushgan / Получено / Received: 11.02.2026
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 02.03.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 17.03.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.ccj.6.1./JOSF1487>

UDC: 341:342.72/.73(045)(575.1)

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ ПРАВ

Тиллабоев Шохрухбек Мирзатилло угли,
доктор философии по юридическим наукам,
старший научный сотрудник Исследовательского центра
факультета международного права и сравнительного правоведения
Ташкентского государственного юридического университета
ORCID: <https://orcid.org/000-0002-0335-2605>
e-mail: shokhrukhbek.tillaboev@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается процесс признания доступа к цифровым технологиям и Интернету в качестве элемента прав человека в международно-правовом контексте, а также анализируется эффективность обеспечения этой защиты на практике. Исследование охватывает ключевые правовые рамки, включая резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета по правам человека ООН, заявления специальных докладчиков, а также опыт отдельных государств в обеспечении цифровых прав. Особое внимание уделяется проблемам ограничения доступа к Интернету, блокировкам и цифровому неравенству. Теоретический анализ показывает, что по вопросам цифровых прав формируется растущий международный консенсус, однако практическая реализация этих норм нередко сталкивается с серьезными трудностями – государственные органы продолжают вводить ограничения без существенных последствий, опираясь на неопределенные формулировки, связанные с обеспечением национальной безопасности, – что демонстрирует ограниченную эффективность международного права в обеспечении реальной защиты. В статье подчеркивается, что хотя доступ к Интернету пока ещё не признаётся самостоятельным правом человека в обязательном международном праве, его функциональная значимость для реализации уже закреплённых прав (свободы выражения мнений, свободы собраний, права на информацию) формирует фактическое признание соответствующих цифровых прав.

Ключевые слова: международное право, права человека, цифровые права, доступ к Интернету, свобода выражения мнений, резолюции ООН, блокировка Интернета, цифровое неравенство

XALQARO HUQUQDA RAQAMLI INSON HUQUQLARI: HUQUQLARNING YANGI AVLODI SHAKLLANISHI

Tillaboyev Shohruxbek Mirzatillo o'g'li,

Toshkent davlat yuridik universiteti
Xalqaro huquq va qiyosiy huquqshunoslik fakulteti
Tadqiqot markazi katta ilmiy xodimi,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori

Annotatsiya. Maqolada xalqaro huquqiy kontekstda raqamli texnologiyalar va internetdan foydalanish imkoniyatini inson huquqlarining tarkibiy elementi sifatida tan olish jarayoni ko'rib chiqilgan hamda ushbu himoyani amaliyotda ta'minlash samaradorligi tahlil qilingan. Tadqiqot BMT Bosh Assambleyasi va Inson huquqlari bo'yicha kengashi rezolyutsiyalari, Maxsus ma'ruzachilarning bayonotlari, shuningdek, ayrim davlatlarning raqamli huquqlarni ta'minlash borasidagi tajribadan iborat asosiy huquqiy doiralarni qamrab olgan. Internetga kirishni cheklash, bloklashlar va raqamli tengsizlik muammolariga alohida e'tibor qaratilgan. Nazariy tahlil shuni ko'rsatadiki, raqamli huquqlar masalasida xalqaro konsensus tobora kuchayib bormoqda, biroq bu normalarning amaliyotga tatbiq etilishida ko'pincha jiddiy qiyinchiliklarga duch kelinmoqda: davlat organlari milliy xavfsizlikni ta'minlash bilan bog'liq noaniq ta'riflarga tayanib, sezilarli oqibatlersiz cheklovlar joriy etishda davom etmoqda. Bu esa xalqaro huquqning real himoyani ta'minlashda samaradorligi cheklanganini namoyish etadi. Maqolada ta'kidlanishicha, internetdan foydalanish imkoniyati majburiy xalqaro huquqda hali mustaqil inson huquqi sifatida tan olinmagan bo'lsa-da, uning allaqachon mustahkamlangan huquqlar (fikir bildirish erkinligi, yig'ilishlar erkinligi, axborot olish huquqi)ni amalga oshirishdagi funksional ahamiyati tegishli raqamli huquqlarning amalda tan olinishini shakllantirmoqda.

Kalit so'zlar: xalqaro huquq, inson huquqlari, raqamli huquqlar, internetga kirish, fikr bildirish erkinligi, BMT rezolyutsiyalari, internetni bloklash, raqamli tengsizlik

DIGITAL HUMAN RIGHTS IN INTERNATIONAL LAW: THE FORMATION OF A NEW GENERATION OF RIGHTS

Tillaboev Shohruxbek Mirzatillo ugli,

Senior Researcher of the Research Center
of the Faculty of International Law and Comparative Law,
Tashkent State University of Law,
Doctor of Philosophy (PhD) in Law

Abstract. The article examines the process of recognizing access to digital technologies and the Internet as an element of human rights in the international

legal context and analyzes the effectiveness of ensuring this protection in practice. The study covers key legal frameworks, including UN General Assembly and Human Rights Council resolutions, special rapporteurs' statements, and individual states' experience in ensuring digital rights. Special attention is paid to the problems of restricting Internet access, blocking, and digital inequality. Theoretical analysis shows that there is a growing international consensus on digital rights issues; however, the practical implementation of these norms often faces serious difficulties – state bodies continue to impose restrictions without significant consequences, relying on vague formulations related to national security – which demonstrates the limited effectiveness of international law in providing real protection. The article emphasizes that while internet access is not yet recognized as an independent human right in mandatory international law, its functional significance for implementing already established rights (freedom of expression, freedom of assembly, and right to information) forms the actual recognition of corresponding digital rights.

Keywords: *international law, human rights, digital rights, internet access, freedom of expression, UN resolutions, internet shutdowns, digital inequality*

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий и их проникновение во все сферы общественной жизни привели к глубокой трансформации механизмов реализации прав и свобод человека. Использование Интернета, социальных сетей, технологий больших данных, алгоритмов искусственного интеллекта и цифровых платформ не только расширило возможности индивида, но и породило новые риски, связанные с вмешательством в частную жизнь, массовым наблюдением, ограничением свободы выражения мнений и дискриминацией в алгоритмических системах. В этих условиях международное право в контексте прав человека сталкивается с необходимостью адаптации своих традиционных норм и институтов к реалиям цифровой эпохи.

В международно-правовой доктрине всё более широкое распространение получает концепция цифровых прав человека, под которыми понимаются права и свободы, реализуемые в цифровой среде либо непосредственно обусловленные использованием информационно-коммуникационных технологий. Несмотря на то что цифровые права не закреплены в виде самостоятельного универсального международного договора, их элементы вытекают из классических прав человека, зафиксированных во Всеобщей декларации прав человека 1948 года и Международных пактах о правах человека 1966 года.

Цифровая трансформация общества приводит не только к расширению возможностей осуществления таких фундаментальных прав, как свобода выражения мнений, доступ к информации и свобода объединений, но и формирует новые риски и вызовы. Среди них особое место занимают проблемы цифрового наблюдения, ограничения распространения контента, практики

блокировки интернет-ресурсов и отключения сети (*internet shutdown*), алгоритмическая дискриминация, а также углубление цифрового неравенства между государствами и различными социальными группами.

В этой связи в современной международно-правовой доктрине всё чаще подчёркивается, что доступ к Интернету приобретает характер важного условия реализации целого ряда базовых прав человека. При этом следует отметить, что на сегодняшний день право на доступ к Интернету не закреплено в качестве самостоятельного субъективного права в обязательных международных договорах. Вместе с тем в практике международных организаций и научной литературе формируется подход, согласно которому Интернет рассматривается как ключевая инфраструктура для реализации уже признанных прав и свобод. Таким образом, доступ к сети выступает в качестве функциональной предпосылки эффективного осуществления классических прав человека, прежде всего свободы выражения мнений, свободы собраний и права на получение и распространение информации. Данный подход отражает формирующуюся тенденцию признания цифровых прав как важного элемента эволюции системы международной защиты прав человека в условиях цифровизации.

Актуальность настоящего исследования обусловлена отсутствием единого международно-правового подхода к определению и защите цифровых прав человека, а также необходимостью осмысления их статуса как формирующегося нового поколения прав. Цель исследования заключается в определении международно-правовой природы цифровых прав человека, их концептуальном обосновании как формирующегося элемента нового поколения прав человека, а также в оценке эффективности существующих международных стандартов и механизмов их реализации в условиях цифровой трансформации общества. Особое внимание уделяется анализу нормативных подходов, сформированных в рамках системы Организации Объединённых Наций, включая резолюции международных органов, деятельность специальных процедур и практику договорных органов по правам человека.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие исследовательские задачи:

проанализировать международно-правовые предпосылки формирования цифровых прав человека и определить их место в системе современных поколений прав человека;

исследовать проблему ограничений доступа к Интернету, включая практику отключения сети и блокировки интернет-ресурсов, а также оценить их соответствие международным стандартам в области свободы выражения мнений и доступа к информации;

проанализировать правовые риски, связанные с использованием технологий искусственного интеллекта и алгоритмических систем, включая возможность алгоритмической дискриминации и непрозрачности автоматизированных решений;

оценить роль глобальных цифровых платформ и технологических компаний в обеспечении и ограничении реализации цифровых прав человека.

Научная проблема, подлежащая решению в рамках статьи, заключается в отсутствии универсального и юридически обязательного международного акта, комплексно регулирующего защиту цифровых прав человека. Действующие международные договоры в области прав человека преимущественно ориентированы на защиту классических прав и свобод и не в полной мере учитывают специфику цифровой среды, включая трансграничный характер цифровых технологий, использование алгоритмов искусственного интеллекта и участие частных цифровых платформ в реализации и ограничении прав человека. В связи с этим возникает необходимость теоретического осмысления цифровых прав человека, их соотношения с традиционными правами и определения их места в системе международного права.

В рамках данного подхода основное внимание уделяется расширительному толкованию норм международных договоров о правах человека, прежде всего положений Международного пакта о гражданских и политических правах, а также анализу практики договорных органов ООН.

Правовое воздействие норм *soft law* в международном праве может оцениваться по нескольким ключевым критериям. Во-первых, важным показателем является наличие широкого международного консенсуса относительно содержания соответствующих норм, что проявляется в поддержке резолюций государствами – членами международных организаций. Во-вторых, значимым фактором выступает формирование устойчивой государственной практики, когда государства начинают учитывать положения документов *soft law* при разработке национального законодательства и политики в цифровой сфере. В частности, в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 2023 года № 78/213 «Поощрение и защита прав человека в контексте цифровых технологий» (United Nations [UN], 2023) подчёркивается, что разработка, внедрение и использование цифровых технологий должны осуществляться в строгом соответствии с международным правом прав человека. В документе акцентируется внимание на рисках, связанных с массовым наблюдением, использованием искусственного интеллекта, обработкой больших массивов данных, а также на важности соблюдения принципов законности, необходимости и соразмерности при ограничении прав человека в цифровой среде. Указанная резолюция рассматривается исследователями как один из ключевых актов *soft law*, формирующих универсальные ориентиры государственной политики в сфере цифровизации.

Отдельное внимание в научной литературе уделяется инициативе «Пакт во имя будущего» (UN, 2024a) и разработке Глобального цифрового договора (UN, 2024b), направленных на формирование всеобъемлющего международного подхода к управлению цифровыми технологиями. В рамках данных инициатив поднимаются вопросы универсального доступа к цифровым технологиям, преодоления цифрового неравенства, защиты персональных данных и

укрепления международного сотрудничества. Исследователи отмечают, что данные документы свидетельствуют о переходе ООН от фрагментарного регулирования к более системному осмыслению цифровых прав человека.

Наряду с этим в доктрине широко анализируется резолюция Совета ООН по правам человека от 13 июля 2021 года № 47/23 «Новые и появляющиеся цифровые технологии и права человека» (UN, 2021), в которой подчёркивается необходимость проведения оценки воздействия цифровых технологий на права человека (*human rights impact assessment*). В резолюции также акцентируется внимание на ответственности государств за предотвращение негативных последствий использования цифровых технологий, а также на роли бизнеса в соблюдении международных стандартов прав человека. Данный документ рассматривается авторами как важный шаг в направлении институционализации правозащитного подхода к цифровым инновациям.

Особое значение в контексте формирования международных стандартов защиты цифровых прав человека имеет резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 21 марта 2024 года № 78/265 «Использование возможностей безопасных, защищённых и надёжных систем искусственного интеллекта в целях устойчивого развития». Указанный документ отражает согласованную позицию международного сообщества относительно необходимости развития и применения систем искусственного интеллекта на основе принципов безопасности, надёжности и ориентированности на человека (UN, 2024с).

Анализ указанных резолюций ООН в научных исследованиях позволяет сделать вывод о том, что международное сообщество постепенно признаёт цифровые права человека в качестве самостоятельного направления регулирования в системе международного права прав человека. Вместе с тем большинство авторов указывает на то, что резолюции ООН носят рекомендательный характер и не создают юридически обязательных норм, что ограничивает их практическую эффективность. В этой связи в научной литературе обосновывается необходимость дальнейшей кодификации международных стандартов и разработки универсального международно-правового инструмента, посвящённого защите цифровых прав человека.

Дополнительное внимание необходимо уделить роли частного сектора, прежде всего глобальных цифровых платформ и технологических компаний, деятельность которых оказывает значительное влияние на реализацию цифровых прав человека. В этом контексте важное значение имеют положения Руководящих принципов ООН по предпринимательской деятельности и правам человека (*UN Guiding Principles on Business and Human Rights*), устанавливающих стандарт «защищать, уважать и восстанавливать» (*protect, respect and remedy*). Данный документ закрепляет обязанность государств обеспечивать защиту прав человека, а также ответственность бизнеса за уважение прав человека в рамках своей деятельности, включая сферу цифровых платформ и онлайн-сервисов.

В настоящем исследовании используется доктринальный (формально-юридический) метод с элементами контекстуального и эмпирического анализа,

основанный на детальном изучении международно-правовых норм и оценке их практического функционирования в условиях цифровизации и развития искусственного интеллекта. При этом исследование не ограничивается формалистским подходом, а ориентировано на выявление реального воздействия международных правовых стандартов на цифровую среду.

В методологическом плане исследование опирается на сочетание формально-юридического метода, системного анализа и сравнительно-правового метода, что позволяет рассматривать регулирование искусственного интеллекта как неотъемлемую часть международной системы защиты прав человека, а не как изолированную техническую сферу.

В целях повышения методологической определённости в исследовании дополнительно уточняется содержание эмпирического компонента анализа. Эмпирическая база работы сформирована на основе мониторинговых отчётов международных организаций, аналитических материалов специализированных институтов и задокументированных случаев ограничения цифровых прав человека, включая практику отключения Интернета, блокировки интернет-ресурсов и ограничений доступа к онлайн-платформам. Особое внимание уделяется материалам, подготовленным структурами системы ООН, включая документы Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, а также доклады специальных процедур Совет ООН по правам человека.

Следует отметить и ограничения исследования. Во-первых, развитие цифровых технологий и искусственного интеллекта (далее – ИИ) опережает правовое регулирование, что приводит к появлению новых вызовов уже после принятия международных актов. Во-вторых, уровень транспарентности государств в вопросах внедрения ИИ и цифрового управления существенно различается, что ограничивает доступность эмпирических данных. В-третьих, основной акцент сделан на международно-правовом уровне, тогда как национальные механизмы имплементации анализируются в меньшей степени. Тем не менее выявленные закономерности позволяют сформулировать обоснованные выводы о развитии международных стандартов защиты прав человека в условиях цифровизации и применения искусственного интеллекта.

Основная часть

История становления цифровых прав человека на международном уровне во многом связана с процессом правовой интерпретации и адаптации существующих норм. Ни один из основных международных пактов о правах человека напрямую не упоминает искусственный интеллект или цифровые технологии, поскольку большинство из них были приняты задолго до появления этих технологий. Например, Всеобщая декларация прав человека датируется 1948 годом (UN, 1948), а Международный пакт о гражданских и политических правах (далее – МПГПП) – 1966 годом (UN, 1966). Тем не менее данные инструменты были гибко интерпретированы таким образом, чтобы охватывать защиту прав человека в цифровой среде.

Ключевым положением является статья 19 МПГПП, закрепляющая свободу мнений и их выражения «через любые средства массовой информации» и

«независимо от границ». Такая формулировка позволила распространить действие права на свободу выражения мнений на Интернет и электронные коммуникации. Комитет ООН по правам человека в Общем комментарии № 34 подтвердил, что защита распространяется на все формы онлайн-выражения (UN, 2011b).

Особое значение в последние годы приобрела резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 78/265 от 21 марта 2024 года «Использование возможностей безопасных, защищённых и надёжных систем искусственного интеллекта в целях устойчивого развития» (UN, 2024). В ней подчёркивается необходимость безопасного и ориентированного на правозащиту применения систем искусственного интеллекта, предотвращения дискриминации, обеспечения прозрачности алгоритмов и защиты конфиденциальности данных. Наряду с этим резолюция № 78/213 от 19 декабря 2023 года (UN, 2023) и резолюция Совета по правам человека № 47/23 от 13 июля 2021 года (UN, 2021) демонстрируют формирование международного консенсуса относительно необходимости соблюдения прав человека в цифровой среде.

Практика реализации этих принципов демонстрирует наличие серьёзных вызовов. Во многих странах отсутствуют чёткие правовые рамки, регулирующие использование искусственного интеллекта и цифровых технологий, а государства нередко обосновывают ограничения ссылками на «национальную безопасность» или «общественный порядок». Подобные ограничения нередко оказываются непропорциональными и чрезмерными, что подтверждают исследования и мониторинговые отчёты ООН (UN, 2022a). Масштабные отключения сети или блокировка цифровых сервисов затрагивают критически важные социальные, медицинские и образовательные функции, нарушая права человека на доступ к информации, образование и социальное участие.

Одновременно отдельные государства начали формально признавать цифровые права на национальном уровне. Примером может служить практика Финляндии, закрепившей право на широкополосный Интернет как юридическое обязательство государства (Miller & Smith, 2022), а также Эстонии, где доступ к Интернету интегрирован в стратегию цифрового развития (European Commission, 2021). Эти примеры демонстрируют политическую и правовую возможность институционализации цифровых прав человека и формируют ориентиры для международной практики.

Однако формальное признание не гарантирует фактической защиты. Даже в странах с конституционным закреплением цифровых прав сохраняются цифровые разрывы: сельские регионы и низкодоходные группы населения имеют ограниченный доступ к технологиям (UN, 2022a). Это подчёркивает, что признание прав является лишь первым этапом; без инвестиций в инфраструктуру и эффективных механизмов реализации цифровое исключение может трансформироваться в социальное.

Результаты анализа показывают, что цифровые права человека постепенно формируются как самостоятельная категория в системе международного права.

Принятие резолюций ООН, развитие норм *soft law* и национальная правовая практика формируют нормативные рамки для защиты этих прав, однако на практике сохраняется значительный разрыв между формальными стандартами и реальным доступом к цифровым технологиям и системам искусственного интеллекта (UN, 2024; UN, 2023).

Таким образом, международное право постепенно формирует новое поколение прав – цифровые права человека, обеспечивающие реализацию традиционных свобод в условиях глобальной цифровизации (Banhashemi, 2023; UN, 2016). Согласно результатам исследований, по состоянию на 2021 год в 124 странах мира действуют законы, а в 8 странах – национальные указы или постановления, закрепляющие за гражданами общее право на доступ к информации, находящейся в распоряжении государственных органов. Эти нормы также возлагают на государственные структуры обязанность предоставлять такую информацию и активно раскрывать её ключевые категории.

Сегодня цифровые технологии достигли уровня Web 3.0: интеллектуальное взаимодействие и интеграция виртуального и реального пространств становятся частью повседневной жизни, а существование киберпространства воспринимается как объективная реальность. Цифровая эпоха формирует новые формы человеческого взаимодействия и социальной организации. Если первые поколения прав человека были связаны преимущественно с защитой личности в физическом пространстве и её расширением в ходе индустриального развития, то в условиях цифровизации права человека всё чаще связаны с взаимодействием личности в физическом и виртуальном пространствах. Таким образом, цифровые права человека могут рассматриваться как формирующееся новое поколение прав, обеспечивающее реализацию и расширение традиционных свобод в цифровой среде.

В отличие от естественных прав, идея прав человека сформировалась относительно поздно. Лишь после принятия Всеобщей декларации прав человека в 1948 году понятие прав человека стало постепенно переходить от размытых представлений к более устойчивой концепции.

В 1977 году чешский юрист и советник ЮНЕСКО К. Vasak (1977) впервые предложил классификацию «трёх поколений» прав человека. По его мнению, первое поколение включает гражданские и политические права – право на жизнь, равенство, собственность, участие в выборах, свободу слова и вероисповедания; второе поколение охватывает экономические, социальные и культурные права – право на труд, социальное обеспечение и благосостояние; третье поколение связано с коллективными и солидарными правами – правом народов на самоопределение, правом на благоприятную окружающую среду, правом на развитие, а также правами детей и коренных народов. Васак связывал данную последовательность с идеалами Французской революции – «свобода, равенство, братство». Несмотря на критику, данная классификация стала одной из базовых моделей для понимания эволюции прав человека.

Сегодня термин «цифровые права» является неустоявшимся. Их называют также «информационными» либо «виртуальными». В англоязычной литературе встречаются термины *internet rights* (интернет-права), *right to communicate* (право на коммуникацию) и др. Каждый из этих терминов подчёркивает определённую особенность цифровых прав – место их реализации или специфику осуществления соответствующих прав.

В настоящем исследовании мы используем термин «цифровые права», рассматривая их как права человека, связанные с использованием современных цифровых технологий и функционированием в цифровой среде.

Глобальные цифровые права человека обусловлены реалиями цифрового мира и направлены на защиту основных ценностей и прав каждого человека в цифровом пространстве. Как отмечает Kartashkin (2022), цифровые права пока не имеют чёткой дефиниции, а научно-экспертное сообщество не пришло к консенсусу относительно их смысла и содержания, что препятствует их полноценной юридической идентификации и эффективной реализации.

Анализ научной литературы и международно-правовых документов подтверждает, что цифровые права человека находятся на пересечении международного права, технологий и социальной политики, что делает их предметом сложной, многогранной и ещё не устоявшейся научной дискуссии. Как подчёркивается в исследовании М. Бурьянова «Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации», цифровизация создаёт новые риски, которые не только расширяют сферу реализации традиционных прав, но и формируют новые, относительно автономные правовые потребности, связанные с цифровой средой, её инфраструктурой и процессами обработки данных. Автор доказывает, что цифровые права человека следует рассматривать как результат взаимодействия множества факторов – инфраструктурных, технологических, социальных и правовых (Buryanov, 2020).

Международные акты, такие как резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 78/265 «Использование возможностей безопасных, защищённых и надёжных систем искусственного интеллекта в целях устойчивого развития» и № 78/213 «Поощрение и защита прав человека в контексте цифровых технологий», демонстрируют попытку международного сообщества признать вызовы цифровизации и начать формирование согласованных стандартов, направленных на снижение соответствующих рисков и защиту фундаментальных прав человека. Однако указанные резолюции носят рекомендательный характер и не создают прямых обязательств для государств, что ограничивает их практическое воздействие.

Схожая проблема отмечается и в исследованиях, посвящённых анализу Резолюции Совета по правам человека № 47/23, которая обращает внимание на влияние новых и возникающих цифровых технологий на права человека (UN, 2021). Документ указывает на необходимость оценки и минимизации рисков цифровизации, однако, как и многие другие акты *soft law*, он носит рамочный характер.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов современной международно-правовой доктрины является проблема допустимости ограничений цифровых

прав. В последние годы международные организации фиксируют увеличение случаев ограничения доступа к Интернету, включая практику временного отключения сети, блокировку отдельных онлайн-ресурсов и платформ, а также иные формы цифрового контроля. Подобные меры, как правило, обосновываются государствами соображениями национальной безопасности, общественного порядка или борьбы с дезинформацией. Однако международные правозащитные институты неоднократно подчёркивали, что подобные ограничения способны существенно влиять на реализацию фундаментальных прав человека, включая свободу выражения мнений и право на доступ к информации.

Мониторинговые материалы ООН, в частности аналитические документы Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR) – Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) указывают на рост числа подобных ограничительных практик в различных регионах мира. В целях более наглядного анализа влияния указанных мер на реализацию цифровых прав человека представляется целесообразным рассмотреть ряд характерных примеров практики ограничения доступа к Интернету и цифровым платформам. Результаты обобщения подобных случаев представлены в таблице 1.

Таблица 1

Практика ограничения доступа к Интернету и её влияние на реализацию цифровых прав человека

Государство	Форма ограничения	Период	Заявленная цель государства	Возможные последствия для прав человека
Индия	Internet shutdown (полное отключение сети)	2020–2023	Поддержание общественного порядка и безопасности	Ограничение свободы выражения мнений, доступа к информации и экономической деятельности
Иран	Ограничение доступа к социальным сетям и платформам	2022–2025	Контроль массовых протестов	Нарушение права на информацию и свободу собраний
Мьянма	Полное отключение интернета в отдельных регионах	2021	Национальная безопасность	Снижение прозрачности и ограничение гражданского контроля
Россия	Блокировка отдельных интернет-ресурсов и платформ	2022–2024	Борьба с «недоуверенной информацией»	Ограничение свободы выражения мнений

Наряду с проблемой ограничений доступа к Интернету существенным вызовом для реализации цифровых прав человека остаётся глобальное цифровое неравенство. Различия в уровне развития телекоммуникационной инфраструктуры, доступности цифровых технологий и стоимости интернет-услуг приводят к значительным диспропорциям между государствами и регионами мира. Согласно аналитическим материалам Конференции ООН по торговле и развитию (United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD), уровень доступа к Интернету в развитых странах значительно превышает аналогичные показатели в развивающихся регионах, что напрямую влияет на возможности реализации прав человека в цифровой среде. Сравнительные данные об уровне доступа к Интернету в различных регионах мира представлены в таблице 2.

Таблица 2

Доступ населения к Интернету по регионам мира

Регион	Доля населения с доступом к Интернету, %	Основные проблемы
Европа	более 90	цифровая безопасность и регулирование платформ
Северная Америка	около 92	защита персональных данных
Азия	около 65	инфраструктурные различия между странами
Африка	около 40	ограниченная инфраструктура и стоимость доступа

Вместе с тем международное право допускает возможность введения определённых ограничений прав человека, в том числе и в цифровой среде. Однако такие ограничения должны соответствовать установленным международно-правовым стандартам. В частности, положения МПГПП предусматривают, что любые ограничения свободы выражения мнений и доступа к информации должны соответствовать так называемому трёхступенчатому тесту: законность, необходимость и соразмерность. Данный подход широко применяется в практике интерпретации международных обязательств государств и служит важным ориентиром при оценке правомерности ограничений цифровых прав.

Одной из центральных тем дискуссии является способность международного права эффективно регулировать деятельность частного сектора, особенно крупных технологических компаний, контролирующей ключевую цифровую инфраструктуру и платформы. Как отмечается в научной литературе, именно частные платформы и алгоритмы автоматизированной модерации контента оказывают существенное влияние на свободу выражения мнений и доступ к информации. Однако международно-правовые механизмы пока не обладают

чёткими инструментами для регулирования действий таких негосударственных акторов, что создаёт значительный нормативный пробел.

Ещё одной важной проблемой является социальное измерение цифровых прав, рассматриваемое наряду с международно-правовым аспектом. Цифровизация проникает во все сферы общественной жизни, трансформируя социальные отношения и формируя новые этические, юридические и философские вызовы современной эпохи.

Kartashkin (2022) связывает эти процессы с концепциями трансгуманизма, указывая на возможные негативные последствия подобных тенденций для традиционных прав человека, поскольку они могут способствовать радикальным изменениям в человеческой природе и идентичности. Особого внимания в научной дискуссии заслуживает роль международных организаций и экспертного сообщества в формировании цифрового правозащитного пространства. Как отмечает указанный автор, одной из перспективных инициатив является идея создания Международного информационно-цифрового кодекса прав, который обеспечил бы комплексное правовое регулирование цифровых прав человека. Данное предложение коррелирует с международными инициативами – Глобальным цифровым договором (Global Digital Compact) и Пактом во имя будущего (Pact for the Future), направленными на выработку согласованных подходов к регулированию цифровых технологий на глобальном уровне. Эти инициативы, хотя и носят рекомендательный характер, свидетельствуют о тенденции к систематизации цифровых прав через разработку унифицированных принципов и стандартов.

Наконец, обсуждение цифровых прав не может быть отделено от проблемы неравенства и социальной инклюзии в условиях цифровой эпохи. Карташкин подчёркивает, что цифровизация не одинаково доступна для различных групп населения: сохраняются значительные различия в доступе к технологиям, уровне цифровой грамотности и возможностях эффективно реализовывать цифровые права. Такая цифровая исключённость становится серьёзной социальной проблемой, усиливая уже существующие формы неравенства и препятствуя реализации прав человека в цифровой среде.

Международные акты *soft law*, направлены на адаптацию правозащитных принципов к новым цифровым рискам, включая вопросы искусственного интеллекта, защиты данных и алгоритмической дискриминации. Однако, как отмечают зарубежные авторы, несмотря на прогрессивный характер таких документов, их рекомендательная природа делает международные стандарты недостаточно эффективными в практической реализации (Donovan, 2020; Schneier, 2018).

Аналогичную точку зрения высказывают и другие зарубежные исследователи, указывая на то, что без учёта социально-экономических аспектов цифровых прав внимание исключительно к юридической стороне проблемы остаётся неполным (Gorwa, 2019; Zuboff, 2019).

Особое внимание в научной дискуссии уделяется алгоритмической модерации контента и автоматизированному принятию решений, которые, по мнению зарубежных экспертов, могут выступать формой современной цензуры, выходящей за рамки традиционного регулирования свободы выражения мнений (Veale & Binns, 2017). В этой связи резолюция Совета ООН по правам человека подчёркивает необходимость оценки рисков новых технологий для прав человека, однако не предлагает достаточных механизмов контроля над алгоритмическими системами как таковыми (UN, 2021).

Важный вклад в развитие данной дискуссии вносит и Верховный комиссар ООН по правам человека, неоднократно подчёркивавший, что цифровая среда не может рассматриваться как некая «параллельная вселенная», свободная от обязанностей государств по защите прав человека. Поэтому любое применение технологий, в том числе искусственного интеллекта, автоматизированных систем принятия решений, обработки биометрических данных и практики массового наблюдения, должно соответствовать установленным международным стандартам, включая принципы законности, необходимости, пропорциональности и недискриминации (UN, 2023).

Современные цифровые платформы – социальные сети, поисковые системы, мессенджеры и глобальные онлайн-сервисы – играют ключевую роль в обеспечении доступа к информации, свободе выражения мнений и участия в общественной жизни. В то же время их деятельность способна ограничивать эти права, например посредством модерации контента, алгоритмической фильтрации или блокировки пользовательских аккаунтов.

С точки зрения международного права государства сохраняют основную обязанность защищать права человека в цифровой среде, включая контроль за деятельностью платформ и предотвращение произвольных ограничений доступа к информации. В то же время частный сектор также несёт ответственность за уважение прав человека. Руководящие принципы ООН по предпринимательской деятельности и правам человека закрепляют стандарт «защищать, уважать и восстанавливать». Это означает, что компании должны внедрять процедуры *due diligence*, направленные на оценку потенциального воздействия их сервисов на права человека, минимизацию негативных последствий и обеспечение доступа к эффективным механизмам восстановления прав в случае их нарушения.

Таким образом, взаимодействие государственных обязанностей и ответственности частного сектора формирует комплексную систему защиты цифровых прав человека, в рамках которой государство устанавливает правила и контролирует их соблюдение, а цифровые платформы реализуют принципы корпоративной социальной ответственности и международные стандарты *due diligence*. Включение данного аспекта в исследование позволяет более полно раскрыть специфику цифровой среды как пространства реализации и потенциального ограничения прав человека.

Заклучение

В условиях стремительной цифровизации общественных отношений цифровые права человека приобретают особое значение и постепенно формируются как новое поколение прав человека в системе международного права. Современные цифровые технологии оказывают непосредственное влияние на реализацию традиционных прав и свобод, включая свободу выражения мнений, неприкосновенность частной жизни, доступ к информации, право на образование и участие в общественной жизни. В этой связи международное сообщество всё чаще признаёт необходимость адаптации существующих правозащитных стандартов к условиям цифровой среды.

Анализ международно-правовых актов ООН, в том числе резолюций Генеральной Ассамблеи и Совета по правам человека, показывает, что на универсальном уровне сформировался консенсус относительно применимости прав человека в цифровом пространстве. В частности, закрепляется принцип, согласно которому права человека, защищаемые в офлайн-среде, должны в равной степени обеспечиваться и в онлайн-среде. Вместе с тем большинство таких документов носят рекомендательный характер и не создают юридически обязательных норм, что существенно снижает эффективность международной защиты цифровых прав.

Отсутствие специализированного международного договора, прямо закрепляющего цифровые права человека и пределы допустимых ограничений, приводит к значительной вариативности национальных подходов. Государства продолжают широко использовать аргументы национальной безопасности, общественного порядка и борьбы с дезинформацией для ограничения цифровых прав, включая ограничение доступа к Интернету, применение систем массового наблюдения и алгоритмической модерации контента. Это свидетельствует о сохраняющемся разрыве между провозглашёнными международными стандартами и реальной правоприменительной практикой.

На основании проведённого исследования и анализа международно-правовой практики в области цифровых прав человека можно выделить следующие ключевые выводы и рекомендации для укрепления защиты прав в цифровой среде.

Во-первых, укрепление международного стандарта ограничения цифровых прав. Необходимо чётко закрепить применение трёхступенчатого теста *legality – necessity – proportionality* при введении любых ограничений доступа к Интернету и цифровым платформам. Для повышения правовой определённости следует разработать конкретные критерии оценки законности, необходимости и соразмерности ограничительных мер, учитывая их влияние на свободу выражения мнений, доступ к информации и право на участие в общественной жизни.

Во-вторых, усиление мониторинга и ответственности. Рекомендуется расширить возможности международных механизмов мониторинга соблюдения цифровых прав, включая деятельность специальных процедур

ООН и показатели *Universal Periodic Review (UPR)*. В частности, целесообразно разработать систему индикаторов, позволяющих оценивать эффективность ограничительных мер и их влияние на права человека, а также предусмотреть механизмы ответственности за их нарушение.

В-третьих, снижение цифрового неравенства через развитие инфраструктуры и цифровой грамотности. Для преодоления глобального цифрового неравенства государствам следует закрепить в правовых рамках обязательства по развитию телекоммуникационной инфраструктуры и обеспечению цифровой грамотности населения. Это позволит расширить возможности реализации прав человека в онлайн-среде и создать более равные условия доступа к цифровым ресурсам.

В-четвёртых, расширение стандартов *due diligence* для цифровых платформ. Цифровые платформы и технологические компании должны внедрять стандартизированные процедуры, оценивающие воздействие их сервисов на права человека. Это включает мониторинг алгоритмической фильтрации и модерации контента, а также создание эффективных механизмов восстановления прав для пользователей, пострадавших от нарушений.

В-пятых, стандартизация оценки рисков искусственного интеллекта. Для снижения потенциальных нарушений цифровых прав необходимо развивать практику оценки воздействия на права человека (*human rights impact assessment*) при внедрении систем искусственного интеллекта. Такая практика позволит своевременно выявлять и минимизировать риски дискриминации, нарушения конфиденциальности и других прав человека, возникающих при автоматизированной обработке данных.

В-шестых, комплексный подход к защите цифровых прав человека. Эффективная защита цифровых прав требует сочетания государственных обязанностей и корпоративной ответственности, интеграции международных стандартов, механизмов мониторинга и образовательных программ. Только комплексное применение этих мер позволит сформировать устойчивую систему обеспечения прав человека в цифровой среде.

В целом цифровые права человека демонстрируют эволюционный характер развития международного права, при котором традиционные правозащитные принципы получают новое содержание в условиях цифровой трансформации. Международное право XXI века сталкивается с задачей не только нормативного признания цифровых прав, но и обеспечения их эффективной реализации на практике. От того, насколько успешно международное сообщество сможет справиться с этим вызовом, во многом зависит устойчивость правозащитной системы в условиях глобальной цифровизации.

REFERENCES

1. Article 19. (2021, July 15). *UN: Human Rights Council adopts resolution on human rights on the internet*. <https://www.article19.org/resources/un-human-rights-council-adopts-resolution-on-human-rights-on-the-internet/>
2. Banihashemi, P. (2023). International law and the right to global internet access: Exploring internet access as a human right through the lens of Iran's Women-Life-Freedom movement. *Chicago Journal of International Law*, 24(1), 53–98. <https://chicagounbound.uchicago.edu/cjil/vol24/iss1/2/>
3. Buryanov, M. S. (2020). Globalnye tsifrovye prava cheloveka v kontekste riskov tsifrovizatsii [Global digital human rights in the context of digitalization risks]. *The Age of Globalization*, (3), 108–120. <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnye-tsifrovye-prava-cheloveka-v-kontekste-riskov-tsifrovizatsii>
4. Donovan, J. (2020). Algorithmic accountability and the ethics of automated decision-making. In G. Frosio (Ed.), *The Oxford handbook of online intermediary liability* (pp. 679–688). Oxford University Press.
5. European Commission. (2021). *Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union legislative acts (COM/2021/206 final)*. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021PC0206>
6. Gorwa, R. (2019). What is platform governance? *Information, Communication & Society*, 22(6), 854–871. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2019.1573914>
7. Kartashkin, V. A. (2022). Tsifrovye prava cheloveka: Mezhdunarodno-pravovoe i sotsialnoe izmereniya [Digital human rights: International legal and social dimensions]. *RUDN Journal of Sociology*, 22(4), 949–962. <https://journals.rudn.ru/sociology/article/view/33222>
8. Miller, S., & Smith, M. (2022). The ethical application of biometric facial recognition technology. *AI & Society*, 37(1), 167–175. <https://doi.org/10.1007/s00146-021-01199-9>
9. OpenGlobalRights. (2023, July). *Weaponizing internet shutdowns to evade accountability for human rights violations*. <https://www.openglobalrights.org/weaponizing-internet-shutdowns-to-evade-accountability-for-human-rights-violations/>
10. Schneier, B. (2018). *Click here to kill everybody: Security and survival in a hyper-connected world*. W. W. Norton & Company.
11. UNCTAD. (2020). *SDG target 9.c: Access to information and communication technologies*. United Nations. https://stats.unctad.org/Dgff2016/prosperity/goal9/target_9_c.html
12. United Nations. (1948, December 10). *Universal declaration of human rights*. United Nations General Assembly. <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights>
13. United Nations. (1966, December 16). *International covenant on civil and political rights*. United Nations General Assembly. <https://www.ohchr.org/en/>

instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights

14. United Nations General Assembly. (2023, December). *Promotion and protection of human rights in the context of digital technologies*. <https://undocs.org/A/RES/78/213>

15. United Nations General Assembly. (2024, March). *Harnessing the potential of safe, secure and trustworthy artificial intelligence systems for sustainable development*. <https://undocs.org/A/RES/78/265>

16. United Nations Human Rights Committee. (2011a). *General comment No. 34: Article 19 – Freedoms of opinion and expression*. <https://undocs.org/CCPR/C/GC/34>

17. United Nations Human Rights Council. (2011b, June). *Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue*. <https://undocs.org/A/HRC/17/27>

18. United Nations Human Rights Council. (2016, June). *The promotion, protection and enjoyment of human rights on the internet*. <https://undocs.org/A/HRC/RES/32/13>

19. United Nations Human Rights Council. (2021, July). *New and emerging digital technologies and human rights*. <https://undocs.org/A/HRC/RES/47/23>

20. United Nations Office of the High Commissioner for Human Rights. (2022a, June). *Internet shutdowns: UN report details dramatic impact on people's lives and human rights*. <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2022/06/internet-shutdowns-un-report-details-dramatic-impact-peoples-lives-and-human>

21. United Nations Office of the High Commissioner for Human Rights. (2022b, June). *Switching off the internet causes incalculable damage*. <https://www.ohchr.org/en/statements/2022/06/switching-internet-causes-incalculable-damage>

22. Vasak, K. (1977). Human rights: A thirty-year struggle: The sustained efforts to give force of law to the Universal Declaration of Human Rights. *UNESCO Courier*, 30(11).

23. Veale, M., & Binns, R. (2017). Fairer machine learning in the real world: Mitigating discrimination without collecting sensitive data. *Big Data & Society*, 4(2), 1–17. <https://doi.org/10.1177/2053951717743530>

24. Zuboff, S. (2019). *The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power*. Profile Books.

KRIMINOLOGIYA

VA JINOIY ODIL SUDLOV

ILMIY-AMALIY JURNAL

2026-yil 1-son